

На пути конвоирования Сянъе обратно в столицу случилось два происшествия. Сначала на нас напали убийцы из Дунъин, пытаясь освободить пленника, но мы их отбили. Потом уже ваши люди попытались устранить Сянъе, подсыпав яд в его вино, — чтобы он не доехал до столицы живым.

Вы знали: если Сянъе будет упорно отрицать вину, дело затянется, и могут возникнуть непредвиденные осложнения; если же он умрёт в пути, не оставив улики, — тем лучше, его вина окончательно подтвердится. Вот только вы не ожидали, что я сумею вывести мышьяк из организма и спасти Сянъе Сюнфэю жизнь.

После возвращения Сянъе в столицу император долго не выносил окончательного вердикта по делу. Вы же, мучимые страхом разоблачения, начали терять самообладание. Король Корё прислал послов, которые стали настойчиво требовать решения, пытаясь оказать на нас давление.

Я воспользовался этим и под предлогом, что Цзинь Юнда заразился поветрием, забрал его из гостевого двора. Но вам-то обоим прекрасно известно: Цзинь Юнда вовсе не болел, а его «недомогание» было лишь отговоркой, чтобы он мог незаметно улизнуть и заманить Сянъе Сюнфэя в Восточный двор. Однако он — важный свидетель вашего заговора. Когда я поместил его в изолятор Восточной Ограды, вы забеспокоились не на шутку.

Я нарочно распустил слух, будто Цзинь Юнда под пытками в застенках Гвардии во всё́м сознался. Вы, опасаясь разоблачения, отважились на ночной визит, чтобы убить его и замести следы. Жаль, вы не догадывались, что это ловушка: в комнате вместо Цзинь Юнда вас ждал брат Дуань. Цель была — выманить вас и схватить с поличным.

Перед лицом неопровержимых доказательств и ясной, как день, истины, что вам остаётся сказать?

Гу Хуайцин закончил свою речь. Его изложение было последовательным, анализ — детальным, а слова лились чётко и ясно. Стражи Гвардии в парчовых халатах невольно прониклись уважением к этому молодому господину из Восточной Ограды, а взгляд Дуань Минчэня светился нескрываемым восхищением.

Юань Чэнминь, выслушав обвинения, сохранял ледяное спокойствие. Сюань Бинь же, украдкой взглянув на него, попытался возразить:

— Господин Гу рассказывает всё так живо, будто сам видел. Но принцесса Чжэньи была единственным оставшимся в живых отпрыском короля, и он души в ней не чаял! Мы, Гвардия Парящего Дракона, поколениями верно служим правящему дому, нам и в голову не придёт причинить вред своей госпоже! Более того, брак принцессы с вашим императором должен был укрепить союз между нашими странами. Её смерть принесла Корё один лишь вред, какой резон нам было совершать подобное?

Гу Хуайцин усмехнулся:

— Была ли принцесса Чжэньи действительно любима или же её осыпали милостями лишь для виду — ведомо только вам. Позвольте заметить: разве тот, кто искренне любит дочь, станет отправлять её на чужбину, под венец с незнакомцем? Из сего явствует, что привязанность вашего короля была, мягко говоря, небеспредельна. Да и перед лицом власти и выгоды родственные чувства — тьфу, пустяк!

Гвардия Парящего Дракона, конечно, предана правящему дому. Но кому именно вы служите —

принцессе или королю? — большой вопрос. Да, смерть принцессы сорвала династический брак, и это урон. Но Корё испокон веков — вассал Великой Ци, и наша защита не зависит от наличия или отсутствия брачного союза. Зато, принеся принцессу в жертву, вы смогли обвинить во всём Сянъе Сюнфэя.

Дуань Минчэнь добавил:

— Думаю, ваша цель была не только в том, чтобы убрать Сянъе Сюнфэя. Вы намеренно хотели посеять вражду между Великой Ци и Дуньин. Просто не понимаю: после двух опустошительных войн, которые подорвали силы Корё и унесли бессчётное число жизней, когда стране потребуются десятилетия на восстановление, — зачем, едва наступил хрупкий мир, снова ввергать простой народ в пучину бедствий?

Услышав это, Юань Чэнминь наконец изменился в лице. Его узкие глаза вспыхнули лютой, едкой ненавистью.

— Со времён основания династии Ли наше Корё двести лет жило в мире и благоденствии, не ведая войн. А потом на нас дважды напали разбойники с Востока! Цветущая страна обращена в руины. Эти японские варвары жестоки и бесчеловечны! Сколько невинных жителей Корё пало от их рук, сколько женщин было обесчещено и убито, сколько семей разрушено! Злодеяния их неисчислимы! А Сянъе Дунчжи и его отродье, Сянъе Сюнфэй, — они главные зачинщики! Сянъе Сюнфэй собственноручно вырезал более ста членов королевской фамилии! Старшую принцессу, уже вышедшую замуж, этот скот силой взял в наложницы и замучил до смерти!

Вся моя семья тоже пала от рук этих варваров. Отец, мать, братья, сёстры... больше десяти душ. А моей младшей сестрёнке было всего десять лет, когда её... — Юань Чэнминь скрипел зубами, глаза налились кровью, кулаки сжались так, что побелели костяшки. — Наша вражда с японскими разбойниками — как небо и земля! Пройдут поколения, но мы никогда не простим их злодеяний!

Дуань Минчэнь сказал:

— И потому вы затеяли столь коварную интригу, решив ценою жизни принцессы оклеветать Сянъе Сюнфэя и стравить между собой Великую Ци и Дуньин? Какими бы ни были ваши мотивы, войну развязывают всегда правители, а страдают — всегда простые люди!

— Вы, Великая Ци, обширны и могущественны, вам не понять боли малого государства! Вам легко вещать о прекращении войны и примирении, а мы должны забыть о ненависти и пожать руку убийцам наших родных, позволив таким, как Сянъе Сюнфэй, безнаказанно разгуливать на свободе?! Разве можем мы с этим смириться?! — Юань Чэнминь окончательно потерял самообладание. Глаза его налились кровью, голос сорвался на хриплый рёв, подобный крику раненого зверя.

— Легко вещать? — Взгляд Дуань Минчэня внезапно стал острым, как лезвие. — А знаете ли вы, каких затрат — и серебром, и жизнями — стоила Великой Ци помощь Корё в тех двух походах? Сколько наших сыновей полегло на вашей земле, оставшись там навеки!

Мне довелось участвовать в войнах в Корё, и я воочию видел их жестокость и кровавую цену. Вы думаете, армия Дуньин — лёгкая добыча? Не говоря уж о прочем, ваши собственные правительственные войска были никудышными — при виде врага они только и знали, что бежать, а вот в междоусобных склоках проявляли недюжинное рвение. Единственного способного полководца, генерала Цуй Дунго, вы же сами и отстранили.

Ваш король прислал мольбу о помощи, письмо тронуло бы и камень. Наш император, движимый милосердием, немедленно отправил войска спасать гибнущее государство. И как же вы нас встретили? Каждое зёрнышко риса, каждую иголку с ниткой мои солдаты должны были покупать за свой счёт! Даже в долг не хотели давать!

Две войны в Корё стоили Великой Ци миллионов лянов серебра, опустошили казну, а число павших воинов исчисляется десятками тысяч. Такой страшной ценой мы вынудили Дунъин уйти с вашей земли и даровали вам мир. Дунъин, дважды испытав поражение, ныне не в силах продолжать войну и согласен на примирение. А вы всё не унимаетесь, затеяв столь грязную интригу, чтобы вновь посеять рознь между нашими странами и разжечь конфликт! Даже кошка с собакой помнят добро, а вы — как чжуншаньский волк из притчи: не только неблагодарны, но и готовы вонзить нож в спину тому, кто вас спас! Подлость ваших помыслов просто невыносима!

Дуань Минчэнь шагнул вперёд и с силой ударил Юань Чэнминя по лицу, так что у того из уголка рта брызнула кровь.

— Этот удар — за наших воинов, павших на полях Корё!

Вслед за тем он отвесил ещё одну пощёчину.

— А этот — за принцессу! Настоящий муж должен служить родине верой и правдой, а кончать жизнь на поле брани — высшая честь! Ты, имея такие способности, вместо того чтобы сражаться с врагом лицом к лицу, погряз в грязных интригах и тёмных кознях! Слеплённый ненавистью, ты играл чувствами принцессы, а затем, утратив всякую человечность, убил её! Методы твои низки, и вызывают лишь презрение!

Юань Чэнминь, выплюнув кровь, в беспомощности рухнул на землю. Лицо его было в грязи, но никто из окружающих не проявил ни капли сочувствия. Напротив, все смотрели на него с брезгливым презрением, словно он был чем-то омерзительным.

Гу Хуайцин приблизился к лежащему. Его прекрасное лицо и белоснежные одежды в контрасте лишь подчёркивали всю низость и грязь, исходившие от Юань Чэнминя.

— Жаль искренние чувства принцессы, — тихо вздохнул Гу Хуайцин. — Она отдала свою любовь бессердечному негодюю. Думаю, даже под девятью источниками она не обретёт покоя. И как ты посмеешь предстать перед ней после смерти?

Всё тело Юань Чэнминя содрогнулось. Он тихо засмеялся, но смех его звучал горше рыданий.

— Думаешь, я хотел этого? Мы выросли вместе, разве я не питал к ней чувств? Всякий раз, вспоминая её взгляд в последний миг, я терял сон... Что ж... теперь мне больше не придётся нести этот груз...

Гу Хуайцин почувствовал неладное и бросился вперёд, но было уже поздно. Юань Чэнминь молниеносно выхватил из рукава кинжал и без колебаний вонзил его себе в грудь, под левый сосок.